

"Атомная бомба" реформы РАН

Интервью с Андреем Старинцом, физиком-теоретиком, научным сотрудником центра теоретической физики им. Рудольфа Пайерлса, доцентом физического факультета Оксфордского университета.

Беседовала Наталия Демина. Часть 1.

Что вы думаете об объявленной сейчас в России реформе РАН?

Мне кажется, что словосочетание «реформа РАН» должно быть полностью изгнано из нашего лексикона. Есть такой прием, когда вас атакует какой-то противник, и он пытается заставить вас вести разговор на его языке. От этого нужно отказываться сразу, потому что само по себе выражение «реформа РАН» уже задает неправильную рамку представлений. Речь должна идти о создании долгосрочной современной системы государственного управления и стратегического развития научно-технического сектора, а не о реформе РАН.

Академические институты – это, пожалуй, самое дееспособное из того, что сохранилось в научном потенциале России. Но наука в России – это не только РАН, это и университеты, и научные центры, такие, например, как Курчатовский институт, и академгородки, и библиотеки с архивами, и многое другое плюс структура управления всем, включая, конечно, распределение бюджетных средств и контроль качества. Структура во многом архаичная, неудобная, остро нуждающаяся в развитии, которого не было 25 лет, а кое в чем и дольше, потому что даже в советский период далеко не все было в этом смысле идеально.

Поэтому крайне необходим содержательный диалог власти и серьезных ученых. Нужно неспешное, не бесконечно-долгое, а именно неспешное, заинтересованное и доверительное обсуждение этих структурных вопросов. Задача власти - организовать этот диалог, включить в него силы, пользующиеся доверием как объекта, так и субъекта потенциальных изменений, поставить временные рамки, обеспечить, так сказать, логистику и сходимости процесса. Это не было сделано. И я не могу понять, почему, ведь очевидные предпосылки и возможности были. Это центральный вопрос, который меня мучает в связи с этой "реформой". Является ли катастрофа бессубъектности, которую мы наблюдаем, динамической, естественной или же она рукотворна, т.е. субъект есть, но он невидим, силен, страшен и абсолютно антинароден.

В любом случае, решать эти вопросы можно только целиком. Говорить только о "реформе РАН" – это глупость, а со стороны академического сообщества - поражение. Это значит играть по правилам контрагента, который, в лучшем случае, не соображает, что делает, а в худшем - преследует цели, ничего общего с укреплением российской науки не имеющие.

А самореформирование РАН, как вам кажется, ситуацию не улучшило бы?

По-моему, нет. Более того, мне кажется, что самореформирование и РАН, и всей этой научной инфраструктуры, это как бы попытка барона Мюнхгаузена вытащить самого себя за волосы из болота. Он очень об этом красочно рассказывал, но, как мы знаем, по законам физики это невозможно.

РАН - это часть ткани советского общества, так сказать, пузырек советской фазы, почти лишенный средств к развитию и самовоспроизводству и погруженный в агрессивную полукриминальную политико-экономическую среду последних 20 лет. То, что Академия все еще сохранила какую-то работоспособность и не схлопнулась в этой среде, несмотря на все травмы, известные язвы, архаику и гной, говорит о прочности системы и героизме многих научных работников. Можно и нужно восхищаться этим героизмом, но в науке важен только абсолютный результат, а не оправдания, почему этот результат не достигнут. Количество публикаций на вложенный килодоллар никого не интересует, тем более, что эта функция, мягко говоря, нелинейна. Слабость современной российской науки слишком очевидна. В заданных рамках руководство Академией неспособно кардинально укрепить систему изнутри. Вытащить российскую науку из болота, в которое ее загнала самоубийственная политика перестройки и постперестройки, на мой взгляд, можно, опираясь на альянс державно-ориентированной политической элиты и настоящих, в рамках "гамбургского счета", ученых как в самой РАН, так и вне ее. При этом обе стороны должны пройти свою часть пути навстречу друг другу. Грубо говоря, нужно создать ученым условия, при которых заниматься наукой в России будет комфортней и интересней, чем в других странах. Такой вот нелокальный атомный проект, имея в виду, конечно, исключительно метафору. Наука должна стать стратегической отраслью в России не на словах, а на деле. Иначе конец, и науке, и стране.

Какое впечатление у вас оставила Конференция научных работников, состоявшаяся в конце августа 2013 года?

Впечатление достаточно сложное. Хорошо, что эта конференция состоялась, потому что если бы она не была организована, то это означало бы, что в каком-то смысле все эти безумные попытки что-то сделать с Академией по умолчанию принимаются, если и не совсем равнодушно, то, по крайней мере, без какой-либо попытки организовать сопротивление.

Я не возлагал больших надежд на эту конференцию в смысле изменения ситуации с законопроектом. Не думаю, что такие публичные акции сами по себе могут что-то изменить, но они могут помочь опереться на общественное мнение тем людям, которые пытаются и, главное, имеют реальную возможность точно повлиять на процесс.

Конференция была организована быстро и на хорошем уровне. Правильно, на мой взгляд, было то, что ученые не стали ждать Общего собрания РАН, и еще было очень здорово, что к участию пригласили научных работников независимо

от того, принадлежат ли они формально к структуре РАН, работают ли в академических институтах или в университетах. Был представлен широкий спектр научных работников, включая ученых-соотечественников из-за рубежа.

Меня покорило то, что эту конференцию не то, чтобы совсем замалчивали, но как-то очень, на мой взгляд, однобоко освещали в средствах массовой информации. Вызывает удивление тон обозревателей, которые говорили о ней как о безнадежной попытке "престарелых академиков", которые "держатся за свои привилегии", повлиять на "неизбежное". Если эти обозреватели присутствовали в зале, они должны были видеть множество рядовых научных работников, чьи высказывания в адрес законопроекта часто были значительно более радикальными, чем заявления академиков, престарелых и не очень. По-моему, это была достаточно единодушная и искренняя реакция. Были, возможно, какие-то разногласия по поводу того, как именно нужно изменять структуру научного управления, но в оценке пресловутого законопроекта все были едины.

Что касается впечатлений, может быть, менее позитивных, это все-таки... Я бы не сказал инертность, но понимаете, среди Президиума Академии, включая Фортова с его программами и Алферова, здесь все-таки присутствует некоторый элемент архаики в мышлении, во взгляде в будущее. Это арьергардные бои, в лучшем случае.

Кроме того, есть какой-то элемент спесивой вельможности, который удивителен и жалок, особенно сейчас, когда все почти утонуло уже. В своем выступлении на конференции я с горечью говорил о том, что с чиновниками МОН мне и моим коллегам по организации ученых-соотечественников за рубежом RuScitech в среднем общаться было проще, чем с академиками. Понятно, что в Президиуме РАН есть и абсолютно другие люди. Но общая такая закостеневшая корка по-прежнему есть, и мне кажется, что это сильно вредит Академии как организации.

Я меньше всего хочу развивать эту тему сейчас, когда взорвалась эта "атомная бомба" так называемой реформы. Сейчас не время для обид, и мы сделаем все возможное, чтобы помочь коллегам из РАН. Но помнить об этих вещах нужно, потому что гибкость и отсутствие многих искусственных барьеров - сильные черты организации западной науки, тут нам, русским, не зазорно кое-чему поучиться.

А вы пробовали встречаться с Фортовым? Или у вас не было такого желания?

Нет, не пробовал. В эти дни чисто технически в этом не было острой необходимости. В свое время мы передавали Фортову черновой вариант нашего Открытого письма... У меня была возможность обсудить ситуацию с академиком Рубаковым, чья позиция в возникшем кризисе мне глубоко импонирует.

Что вы думаете о законопроекте по реформе трех академий?

Я очень внимательно прочитал первую версию законопроекта. Это было необходимо потому, что наша группа ученых-соотечественников из организаций RuSciTech и RASA планировала выступить с совместным заявлением, которое нужно было грамотно сформулировать. Прежде всего, нужно было изучить документ. Помню, как я был поражен его стратегической пустотой и этими сладострастными стонами "ликвидировать, ликвидировать, создать ликвидационные комиссии"... Я не психолог, но, по-моему, тут просматривается что-то глубоко больное. Созидательная часть текста отсутствует вообще. Просто ликвидировать РАН как научную организацию, передать ее функции МОН или аналогичной структуре, прикрытой фиговым листочком какого-нибудь научно-координационного совета, и жизнь значительно упростится, все станет эффективно работать. Как будто не было последних 25 лет "эффективных реформ". Как будто ученым, вошедшим в 2012 году в аналогичные советы при МОН и президенте РФ, кстати, ученым по-настоящему сильным, с мировыми именами, только что не плюнули публично в лицо, не только не посоветовавшись с ними, но и не проинформировав их о принимаемых правительством с подачи анонимных авторов неизвестной квалификации решениях. Если это не стратегическое безумие, то что это?

У меня вызывает удивление, когда, например, Андрей Гейм, даже не прочитав, по его словам, текст законопроекта, восхищается Ливановым, сделавшим "великое дело".

А вы Гейму не собираетесь сказать, что он в чем-то был не прав? Или вы не в таких отношениях?

Я с ним не знаком. Кроме того, он – Нобелевский лауреат, мне по рангу не положено (*смеется*). Но чисто в гражданском смысле, мне кажется, что хотя он, безусловно, действовал искренне, эта искренность и определенная политическая наивность привели к тому, что его имя очень эффективно использовалось в борьбе с Академией.

Многим хотелось, чтобы Гейм вернулся в Россию хотя бы душой и мыслями. Ливанову это удалось.

У меня есть очень твердое убеждение как у физика, что если мы анализируем какой-то общественно-политический феномен, то нужно прежде всего очень аккуратно посмотреть на масштабы включенных в него процессов. Есть какие-то вещи, которые более важны, какие-то менее важны, так же во временном смысле, пространственном, каком угодно. Надо проанализировать разные шкалы, что важно, что неважно. Часто это игнорируется... Вы знаете, что наша группа занималась несколько лет общественно-политической деятельностью, связанной с предложениями по институциональной реформе

науки, у нас есть какая-то конкретика по этому поводу.

Напомните, кто входит в вашу группу?

Там была некоторая эволюция. Эта эволюция началась, наверно, в конце 2007 года с задушевных разговоров о судьбе России. Это классическая ситуация, когда, скажем, западный университет, одиннадцать часов вечера, никого нет, за окном эта гнусная английская морось, сидят двое русских там где-то и беседуют о судьбах Родины. Примерно так все это было. У нас зародилась идея обратиться к высшему политическому руководству страны, подняв вопрос о стратегической опасности пренебрежения интересами фундаментальной науки.

Наше первое письмо было закрытым, в 2008 году оно было отправлено Путину без публикации, без ничего, мы не хотели никакой публичности, никакого шума. Серьезных последствий оно не имело, его, правда, отправили на экспертизу в МОН, и там, кажется, были какие-то телодвижения, но ничем конкретным они не закончились, кроме бумажечки, в которой было написано что-то в духе: “Ребята, спасибо за ваши усилия, мы подумаем о ваших предложениях”. Никакой конкретики серьезной из этого не вышло. Возможно, думают до сих пор, а тем временем японцы, например, очень активно все это реализуют на правительственном уровне. Наши предложения могли быть спорными, несвоевременными или нереализуемыми в России, но меня угнетает то, что никакого серьезного обсуждения (мы даже поименный состав соответствующей комиссии предлагали), даже намек на него, не было.

Тогда через год мы постепенно пришли к идее публикации Открытого письма. Была определенная история его написания, подготовки и так далее. Это была наша инициатива, никакие внешние темные или светлые силы за этим не стояли (разумеется, доброжелатели нам потом сообщили, что это была тщательно спланированная операция ЦРУ, МИ-6, ФСБ, саудовской военной разведки и т.д.). Над текстом работал очень небольшой коллектив, 3-4 человека. Мы, кстати, пытались обсудить все это с людьми из РАН, без особого успеха. Тогда оно было опубликовано, там стоят подписи более двухсот ученых, многие из них - известные наши соотечественники, постоянно работающие за рубежом. Как раз прошло 4 года с момента публикации в сентябре 2009 года. Вы знаете, что оно имело кое-какой общественный резонанс, Медведев его публично читал, его показывали читающим этот текст. Все это замечательно. Да, и президентом была сказана сакраментальная фраза: «Я дал поручение проработать предложения, которые там содержатся». К сожалению, мы до сих пор не знаем, кому были даны эти поручения. Так или иначе, никаких контактов с нашей группой не было.

Потом, на следующий год, это был 2010 год, мы познакомились с людьми из Кембриджа, Мишей Лукиным и... Миша Лукин – это такое замечательное имя. Есть Миша Лукин из Гарварда, очень известный ученый ...

Российский квантовый центр – это он?

Да, совершенно верно. А есть Миша Лукин из Кембриджа, который тоже физик, но он сейчас не работает в академической науке, он занимается коммерциализацией и прикладными вещами на интерфейсе, так сказать, с промышленностью, корпорациями и так далее. Но он по образованию физик.

В его деятельности есть и общественно-политическая компонента, вокруг него еще есть несколько коллег. Это тесно связано с русским сообществом Кембриджа, которое, кстати, довольно сильное, в нем около тысячи человек. Как-то на них, независимо от нас абсолютно, вышли люди из Сколково в свое время, потому что Сколково нужны были какие-то связи. Причем связи в смысле людей, которые говорят по-русски, и знают других коллег. Поэтому через посольство, кажется, они начали искать таких людей. И в посольстве им сказали: “Вот Кембридж, там есть какие-то ребята”.

Таким образом, возникла связь со Сколково, Миша Лукин и его друзья. Потом мы с ними познакомились, потому что у Оксфорда есть контакты со Сколково чисто профессиональные по ускорителям и по другим темам. И как-то на этой почве возник синтез этих групп, которые активно пытаются способствовать прогрессу научно-технической инфраструктуры в России. Мы познакомились с Лукиным, и постепенно, я даже не помню точно, когда это случилось, возникла идея создать такой клуб, это не организация со взносами, а такой неформальный клуб, сетевое сообщество людей, которым эта тематика интересна.

Как вы себя назвали?

Наша организация называется «RuSciTech», то есть Association of Russian Science & Technology Professionals. У нас есть сайт <http://ru-sci-tech.org/ru/>, где опубликована вся необходимая информация.

У «RuSciTech» есть ежемесячный бюллетень информации и новостей, это рассылка на пару тысяч человек, что не означает, конечно, что все эти люди что-то активно делают. В бюллетене помещают, в частности, запросы об интересующих российских вузы и институты связей, мы помогаем их установить. В свое время мы помогали в наборе зарубежных рецензентов для экспертизы мегагрантов.

Осуществляется сотрудничество со Сколково, в частности, со Сколтехом, но беда в том, что все-таки это не фундаментальная наука. Все это задумывалось скорее как прикладная наука и коммерциализация, это не вполне наш профиль, хотя мы обсуждали возможность создания фундаментальных научных центров нового типа под эгидой Сколково с Эдвардом Кроули, президентом Сколтеха, и Виктором Вексельбергом, президентом фонда. «RuSciTech» организовывал конференцию в Кембридже в марте 2012 года, это была конференция русской научной диаспоры, немного

напоминающая ту, которая была организована в 2010 году на базе Европейского Университета Санкт-Петербурга, где ректором Олег Хархордин. В Ленинграде тогда были, в основном, математики, и там в организации, помимо университета, очень большую роль играл фонд «Династия».

Конференцию, которую мы организовали в Кембридже, спонсировало Сколково, то есть с точки зрения Сколково это была их презентация для русской научной диаспоры. Мы собрали людей из диаспоры, приехали люди из руководства Сколково, включая Кроули, и они общались с участниками в течение двух дней. На мой взгляд, эта встреча не была бессмысленной. Во всяком случае, количество людей, которые захотели туда приехать, превышало в разы наши физические способности каким-то образом всех их разместить. К сожалению, нам приходилось отказывать очень многим людям. Таким образом, интерес к российским проектам существует, несмотря на все эти бесконечные разочарования. Причем люди приезжали из США, Канады, Гонконга, Саудовской Аравии...

Русские?

Да, в основном. Точнее, советские научные работники. Понимаете, это тонкий момент: люди разных национальностей, жившие в разных республиках Союза. Допустим, как я могу себя классифицировать? Я вырос на Украине, учился в Москве, у меня никогда не было гражданства Российской Федерации. Кто я такой? Я – советский человек. Вот и все. Впрочем, на Западе нас всех называют русскими, это такой геополитический термин. Так вот, у участников конференции был достаточно сильный интерес к Сколтеху. Там присутствовали и крупные западные ученые.

Конечно, мы в RuSciTech не можем заниматься всем этим постоянно, у каждого из нас есть своя профессиональная деятельность, причем очень плотная, поэтому многие интересные идеи остаются нереализованными просто из-за недостатка времени. Но удивительно, что в рамках такой, казалось бы, совершенно дилетантской общественно-политической активности мы очень быстро обрастаем паутиной разных связей, в том числе достаточно нетривиальных и глубоко идущих. Возможно, потому, что объективная потребность в такой связующей ткани есть. Во всяком случае, мы ясно видим, что, несмотря на многочисленные командировки и застолья с западными бюрократами, администраторы и научные работники России очень плохо понимают, как на самом деле устроены наука и образование в западных странах, в чем их реальные, а не рекламируемые, сильные стороны, а в чем слабости. Для того, чтобы понимать это, нужно работать внутри системы, причем многие годы. В этом смысле русская научная диаспора за рубежом обладает очень серьезным экспертным и иным потенциалом. Этих людей - десятки тысяч, наш RuSciTech - микроскопическая часть этой диаспоры. Но этот потенциал может быть реально задействован только в том случае, если последует грамотный, четко оформленный и поддержанный на

государственном уровне запрос из самой России, который бы возник в рамках общей долгосрочной стратегии возрождения научно-технического потенциала страны, а не в виде полезных, но эпизодических, инициатив вроде программы мегагрантов. Пока же это, в основном, имитация, никаких серьезных механизмов работы с учеными-соотечественниками у России нет. И понимания, что это необходимо, по-видимому, тоже нет. Иногда просто стыдно слышать публичные рассуждения высших политических деятелей России о том, что, дескать, ввиду экономического кризиса на Западе заканчиваются гранты и соотечественники теперь потянутся обратно в Россию. Такие слова свидетельствуют о глубочайшем непонимании элементарных вещей как в организации науки, так и в психологии ученых.

Что касается связей, то мы, конечно, интегрированы в академическую структуру западных стран, но в RuSciTech мы общаемся не только с учеными, скажем, членами Королевской академии наук, но и с политиками, общественными деятелями, советниками правительства. Некоторая горькая компонента во всем этом заключается в том, что нам, как правило, гораздо проще сделать что-то, скажем, в Британском парламенте, нам – иностранцам, которые говорят с акцентом, со всеми проблемами статуса и прочим, нам гораздо проще связаться с этими людьми, организовать какие-то парламентские встречи и т.д., чем просто поговорить по телефону с официальными лицами того же или менее высокого ранга из России, которые, казалось бы, в таких связях должны быть заинтересованы хотя бы в силу своих служебных обязанностей в рамках какого-нибудь комитета по работе с соотечественниками. Это ненормальная ситуация. Все это взаимодействие с российскими структурами взвалено, в основном, на плечи Миши Лукина, и хотя он человек очень сдержанный и спокойный, видно иногда, что он на пределе. Такое ощущение, что в современной России почти полностью разрушена этика деловых отношений: постоянно отменяются или в последний момент переносятся встречи, люди страдают хронической необязательностью, нарушают договоренности и продолжают вести себя как ни в чем не бывало, даже не задумываясь, что неплохо было бы хотя бы извиниться. Некоторые индивидуумы очень любят изображать из себя важных персон, барственно-надменно вещать, даже диктовать какие-то условия. Я говорю о российских официальных и прочих лицах, чиновниках, депутатах, научных администраторах, журналистах, некоторых академиках, с которыми мы имели дело. Все это крайне неприглядно. Есть исключения, но они, увы, довольно редки.

В 2009 году, после публикации нашего письма, мы получили около тысячи писем и не прямых откликов, через СМИ. Было множество писем в поддержку от рядовых сотрудников, очень много теплых слов, даже стихи нам присылали. Но реакция некоторых лиц из руководящего звена Академии была несколько странной. Если бы это было то или иное мнение или неприятие нашей позиции, то это было бы понятно, но когда человек говорит: "они прямо пишут...", и дальше идет очевидная неправда (ведь текст опубликован, и в нем ничего подобного нет!), то это недобросовестность, которая в устах человека, который

считается научным работником, просто недопустима по определению. Ну, нельзя же так. Если ты говоришь, что "они прямо пишут", то прочитай сам и процитируй. Таких вещей было много, в том числе от людей, входивших в руководство РАН. В этом же хоре звучали обвинения в том, что это наше письмо ловко подстроено, что это на самом деле темные силы, которые пытаются зарубежных соотечественников использовать против Академии, что это атака на Академию. Страшным шепотом упоминался таинственный Ковальчук (мы тогда понятия не имели, кто это, и очень удивлялись). Когда мы советовали прочитать текст и удостовериться, что ничего из приписываемого нам в нем нет, нам таким же страшным шепотом говорили, что любой текст нужно читать между строк, и совершенно ясно, что... Или говорилось, что вот, жалкие кандидаты наук, которые не смогли устроиться на Западе, просят пустить их обратно, дать какие-то гранты. В общем, было крайне неприятно наблюдать такую реакцию, это буйство какой-то больной фантазии на фоне широко распространенной апатии и внутренней обреченности на заклятие, потому что она свидетельствует о глубокой степени распада общественной ткани и неспособности потенциально заинтересованной части общества к позитивной самоорганизации. Столкновением с подобной реакцией, по-видимому, можно объяснить и тот печальный факт, что у части ученых-соотечественников за рубежом отношение к современной РАН, мягко говоря, далеко от позитивного, а у некоторых оно куда более радикально, чем у того же Ливанова. Я не разделяю этих настроений, считаю их глубоко ошибочными и опасными, но назвать их абсолютно беспочвенными или произрастающими из одной хронической русофобии я не могу.

А вам вторая версия законопроекта больше понравилась?

Нет. Этот законопроект (закон) исправить невозможно, его можно только отозвать (отменить). Потому что если убрать из него (или мягко обнулить в процессе "исполнения") все деструктивное, вредное или глупо-ненужное, вроде слияния академий, то останется нуль. Я читал вторую версию, но не так внимательно, как первую. Мне кажется, что вообще принципиальное согласие рассматривать здесь какие-то версии - это уже поражение. У меня сложилось впечатление, что первоначальная реакция Фортова была, мягко скажем, недостаточно жесткой. Я понимаю, что мне, человеку, не зависящему от российских реалий, легко это говорить. Но мне кажется, что само принятие линии на обсуждение поправок к закону, а не жесткая защита тезиса о том, что подобная попытка "реформирования" в принципе недопустима, была ошибкой. В такой линии поведения не было бы никакой политической катастрофы. И в Англии, и в других странах, периодически происходят аналогичные казусы. Какое-нибудь министерство или лоббирующая группа готовит законопроект, а объект приложения соответствующего закона встречает этот законопроект в штыки. Если этот объект единодушно восстает против всего этого дела, то часто идет мягкий откат в другую сторону, авторы законопроекта, как правило, уходят в отставку, или происходит какое-либо еще переформатирование политического поля. Это законы политической игры. Непонятно, почему Россия должна быть исключением. Если мы живем в рамках президентско-

парламентской демократии, пусть и не самой совершенной, если есть какие-то политические институты и инструменты, которые должны работать, то нет никакой политической катастрофы в отказе от этого проекта. Путин не потерял бы лицо, если бы сказал, что законопроект не годится, что надо над ним надо как следует поработать, может быть, год, два, сколько угодно. Понимаете, всегда есть какие-то пути, это не значит, что под угрозой политическая репутация, вовсе нет. В этом смысле Форткову, по-моему, нужно было держаться другой линии защиты.

В законопроекте не было абсолютно никакой созидательной части, она равна нулю, просто нулю, как это вообще возможно? Когда мы видим нормальный законопроект, вспомните постановления ЦК КПСС, Совета Министров, то обычно идет текст, в котором написано, что создается это, это и это в целях того-то, создаются такие-то продуманные структуры. Это обычная ситуация, когда есть созидательная часть, а потом в конце говорится, что в связи с этим что-то там ликвидируется или считается недействительным, это ликвидационная часть, но она обоснована всем предыдущим. Здесь же первой, созидательной, части не было вообще, а была только ликвидационная часть. Поэтому если бы удалось тактично объяснить Президенту, что эта ликвидационная часть – это гибель науки в России, что это – серьезная стратегическая вещь, что давайте это спокойно политически признаем, скажем, что да, работа над этим законопроектом – абсолютно пустая трата сил, более того политически вредна, потому что его принятие вредит Президенту больше, чем его отклонение на любой стадии. Это можно было сделать в мягкой форме, вполне тактично, и не обижая каких-то темных личностей, которые за этим, может быть, стоят. Ну, темных в том смысле, что они не освещены прожектором...

Были ли у вас какие-то "инсайды", кто автор закона?

Нет. Достоверно мне ничего по этому поводу не известно. Я слышал какие-то более или менее достоверные слухи про обиженного Ковальчука, каких-то малокомпетентных личностей из Высшей Школы Экономики, каких-то подозрительных американских консультантов Ливанова. Но поскольку достоверных сведений нет (что в таком деле само по себе в высшей степени одиозно - принимается закон, имеющий принципиальное значение для судьбы науки в стране, а значит и для судьбы страны, авторы - неизвестны, депутаты, за исключением фракции КПРФ и нескольких других, бодро голосуют...), гадать не буду. Ну, наверно, кто-то там наверху. Если Ливанов говорит, что он не стоял за спиной авторов проекта, значит...

Он менял свои показания: то он стоял, то не стоял. Тоже не поймешь.

Ну, это, скорее, не показания, а заявления. Пока, во всяком случае... Показания, кажется, дают в другом месте... С другой стороны, он говорит, что законопроект готовился еще осенью. Такое утверждение кажется мне странным. Текст

законопроекта был написан неграмотно, и даже не то, что неграмотно, он был очень сырой. Возникает ощущение, что это все готовилось в впопыхах.

А ваша группа не пыталась встретиться с кем-то из руководства, может быть, министерства? Не было такого желания?

В прошлом году, до того, как вся эта беда с законопроектом разразилась, у нас такие встречи были. Год-полтора назад у нас была надежда, что мы или аналогичные группы научной диаспоры могли бы сыграть роль нейтральных посредников между министерством и сильными учеными РАН. Нейтральных в том смысле, что нам от обеих сторон ничего не было нужно, у нас не было никаких интересов, кроме идеальных ("жила бы страна родная"). Нам казалось, что у министерства есть рад полезных инициатив, та же программа мегагрантов, например, но все это делается как-то кустарно, косолапо, без широкой опоры на серьезных ученых, как российских, так и зарубежных, без грамотных разработчиков и, главное, без долгосрочных и хорошо продуманных планов. К осени 2012 года RuSciTech разработал большой пакет предложений по реформе механизмов управления научными организациями. Это тема отдельного разговора, но эти предложения или, пользуясь терминологией министерства, "инструменты развития", включали введение "двухкомпонентной модели" для "невоенного" сектора науки, в которой резкое увеличение финансирования научных исследований шло бы по новым каналам (через создание мощных научных фондов с отечественной и международной научной экспертизой, добровольную аттестацию научных групп и т.д.), с мягким и постепенным введением этих элементов в существующую структуру, при продуманном механизме ее постепенного очищения и укрепления через систему конкурсного отбора кадров. В этом пакете несколько десятков конкретных "инструментов", сплетенных в единый контур. Мы хотели, чтобы министерство или другие структуры организовали бы серьезное продолжительное обсуждение этих и других аналогичных предложений с участием ученых с высокой репутацией (а не научных администраторов РАН и университетов), обеспечили бы площадку и логистику, это ведь, в сущности, их работа. Собственно, такое обсуждение, из которого потом вырос бы и соответствующий законопроект, и все что угодно в законодательном плане, - это главное из того, что мы пытаемся достичь со времен открытого письма.

Но ведь нет площадок, непонятно, как обсуждать...

Правильно! Об этом и речь. Я где-то читал, как в Японии какое-то время назад устроили мозговой шторм по поводу того, как реформировать научно-технический сектор, поселили всех задействованных лиц в каком-то пансионате в горах на месяц, что ли. Мы же не можем организовать такое обсуждение сами, у нас нет никаких средств, мы научные работники, у нас по горло своих дел, но мы готовы откликнуться на призыв тех структур, которые должны отвечать за формирование научно-технической политики. Но этого не было сделано. Один высокопоставленный чиновник мне как-то лениво сказал: "Вы хотите, вы и собирайтесь, а мы поглядим". Сел в бронированный "майбах"

или что-то там такое и укатил. В 2010 году и позже никакого содержательного обсуждения организовано не было, поэтому когда Ливанов, защищая этот безумный законопроект, говорит, что, мол, хватит обсуждать, сколько можно, пора действовать, у меня это вызывает крайнее изумление.

Тем более, что в 2012 году, когда в мае было сформировано новое правительство, Ливанов и новый состав министерства повели себя, казалось, лучше, чем Фурсенко и его команда. Какие-то вибрации в этом направлении начались: были созданы советы при министерстве, в совет по науке вошли серьезные ученые, был обновлен президентский совет по науке и образованию, сформированы какие-то рабочие группы. Путин заговорил о постдоках и оверхэдах. Наша группа была приглашена в Москву в июне прошлого года. Мы встречались с министром, его заместителями, другими официальными (и не очень) лицами. Все это серьезных практических последствий не имело, заглохло постепенно.

Мы предлагали организовать регулярные обсуждения вопросов реформы науки с привлечением обязательно ведущих ученых как из России, так и из-за рубежа. Может быть, ввести зарубежных ученых в состав советов по науке с правом совещательного голоса, конечно, с отсечением их от любых "закрытых" тем. На мой взгляд, это было бы полезно. Ведь архаика, которую я упоминал, не может быть преодолена без какого-то свежего взгляда, сравнения с опытом других стран. Нужна разумная открытость, т.е. нужна, так сказать, ярко выраженная самостоятельность, опора на свой опыт, лучшее, что в нем есть, но без автаркии и шапкозакидательства. Понимаете, все-таки Россия в последние 20 лет – очень сильно изолированная система в научном смысле. Точнее, система с полупроницаемой мембраной, работающей на выход. Как и любая изолированная система с уменьшающимся фазовым объемом, она постепенно превращается в такое болотистое образование, я имею в виду науку, в других областях, наверное, тоже так. При этом я не отрицаю того, что, в стране и вокруг нее, безусловно, есть политические проблемы, есть огромное давление других стран на Россию, политическое, культурное, цивилизационное противостояние, очень жесткое, это все есть. Я это вижу каждый день. Это все есть, но нельзя же сводить все к этому. Зарубежные инженеры успешно трудились на стройках первых пятилеток в годы, когда враждебное противостояние России и других стран было не менее тяжелым.

Есть, например, ученые, которые очень далеки от политики, очень хорошие ученые, но при этом они всю жизнь проявляли интерес к какой-то административной деятельности, и какую-то часть жизни, там год, два, три, четыре, они ведут работу где-нибудь в Department of Energy. Они проводят там какое-то время и потом уходят обратно в науку. Но у них есть конкретный опыт, причем это опыт не чиновника, это административный опыт активно действующих ученых.

Мы говорили российским чиновникам: «Мы готовы с этими людьми как-то контактировать, если будет какая-то платформа, где мы можем собраться,

обсудить, допустим, темы грантового финансирования, что работает, что не работает». Не обязательно делать публичные какие-то вещи, пусть это будут рабочие совещания. Но на них обязательно должны присутствовать как люди из России, причем активно работающие ученые, не патриархи, которые держатся за всю пирамидальную структуру, а люди, которые хорошо известны именно как ученые, ученые с мировыми именами. Тот же Рубаков, например. Мне не нужно объяснять профессионалам, кто он такой, что он член Президиума РАН. Я в любом университете в мире скажу физикам "К вам придет аспирант Рубакова", и вопросов не будет, понятно, что придет серьезный грамотный человек. Это "гамбургский счет".

Мы очень надеялись в этом смысле на Сколково и Сколтех. Когда мы говорили с ними о создании какой-то платформы для обсуждений, они в принципе к этому относились довольно благосклонно. И даже были готовы как-то это организовывать и финансировать. Конференция в Кембридже в 2012 году была в каком-то смысле попыткой создать такую платформу, но потом у них начались какие-то сложности, потому что их начали проверять. Насколько мне известно, то, что они финансировали эту конференцию в Кембридже, им поставили на вид, что, мол, вы зря тратите деньги, это нецелевое расходование средств. Это довольно странно, честно говоря, потому что они же рекламировали себя за рубежом, и в результате контактов, которые возникли между учеными, работающими на Западе, и Сколково, несколько человек стали сотрудничать со Сколково, появились связи с английскими университетами, компаниями, Королевской академией наук. И это все шло на пользу делу. В отличие от безумного скандала с Ильей Пономаревым, у организаторов этой конференции в Кембридже имеются все платежки, можно посмотреть, на что потрачены деньги. Организаторы ни цента в свой карман не положили, все было на энтузиазме. Но нужно было арендовать зал, поселить людей, нужно было платить за кофе-брейки и так далее. Почему у Пономарева нет платежей – это вопрос к нему. И к Сколково, как они допустили отсутствие подробной финансовой отчетности в этом случае. Вот у меня есть европейский пятилетний грант на полтора миллиона евро, это, в основном, деньги для постдоков, там все очень четко регламентировано, и я сохраняю чеки даже на самые малые суммы, неважно, три фунта или пять, университет все это аккуратно подшивает. Это же элементарно организовать!

А у Вас есть понимание, как реформировать Академию наук, беря за основу тезис, что нужно реформировать не только Академию, как Вы сказали, но всю российскую науку? С Академией Вы бы что делали, если бы были на месте Фортובה? Или, допустим, на месте Ливанова?

После событий 27 июня сложилась очень сложная ситуация. До конца июня мой ответ был бы одним, я ведь упоминал наши предложения, но сейчас... Этот закон – такая вот атомная бомба, которая полностью уничтожила субъект. С кем говорить? Как можно после этих событий разговаривать с теми же самыми чиновниками из министерства, как будто

ничего не случилось? Как теперь выбираться из этой ямы, я просто, честно говоря, не знаю. Раньше ответ у меня был бы только один – тактичным образом этот законопроект похоронить, сказать, что все это не готово, что нужна неспешная проработка всех этих вопросов с участием всех заинтересованных субъектов, включая, конечно, Академию наук, но и более широких, то есть имеются в виду все научные организации, включая также и зарубежных ученых в тех рамках, о которых говорилось выше. И каким-то образом организовать обсуждение на платформах, которые должно создать правительство при участии Академии. Посмотреть на вещи шире. Объявить науку стратегической отраслью. Но чтобы появился субъект, человек или группа, которым хоть как-то будут доверять ученые, необходимо переформатирование политического поля, то есть я не вижу ситуации, при которой Ливанов скажет, что давайте мы сейчас все это будем обсуждать. Это просто невозможно с сохранением лица.

Созданные при министерстве Советы были поставлены в ужасное положение, когда все это случилось...

Конечно. Тоже самое касается и Президентского совета по науке и образованию, их же тоже даже не поставили в известность! На Конференции научных работников в августе я говорил о катастрофе бессубъектности. Кто в России принимает на себя ответственность и формирует научно-техническую политику государства? Кто и где они? Можно сказать – Совет при Президенте и так далее. Но это же не так, это очевидно. Они же даже ничего не знали. Между прочим, это тяжелое оскорбление, там же не мальчишки собрались, в этих Советах... Значит, кто? Ковальчук, Фурсенко? Кто? Понятно, что Путин не может вникать во все детали, естественно, есть люди, которые это все готовят. Эти люди не на виду, но это же невозможно, для великой державы это просто нонсенс.